Гость без приглашения

Автор:
Наталия Антонова

Гость без приглашения

Наталия Николаевна Антонова

Уютный детективЧастный детектив Мирослава Волгина #20

Гости съезжались в загородный дом Никифора Твердохлебова. Впереди – празднование Нового года, веселье, радость. Ничего не предвещало беды! Но после полуночи хозяин дома решил спуститься в подвал за вином, откуда живым уже не вернулся… Подозрения полиции падают на Виталия, у которого Никифор увел невесту и сделал ее своей женой. Родители Виталия приходят за помощью к частному детективу Мирославе Волгиной, так как уверены, что их сын невиновен…

Наталия Антонова

Гость без приглашения

Посвящается Доктору с большой буквы, благородному и милосердному человеку – Марии Вячеславовне Шишковой-Лаврусь с бесконечной признательностью от автора

Действующие лица и события романа вымышлены, и сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

Глава 1

Никифор Лаврентьевич Твердохлёбов всегда мечтал жить за городом в своём доме то ли оттого, что родился он в селе, затерянном на просторах Сибири добротном пятистеннике, который достался семейству Твердохлёбовых ещё от прадеда. То ли потому, что впоследствии, окончив после школы военное училище, мотался он долгие годы по гарнизонам, часто жил с семьёй в самых отвратительных условиях, в основном в Средней Азии и на Ближнем Востоке. Жара, песчаные бури, вода жёлтого цвета. Бытовые условия не способствовали укреплению семьи, и, как тогда говорили, семейная лодка Твердохлёбовых разбилась о рифы быта, несмотря на то что женился бравый лейтенант по страстной любви. И юная Ариадна, как тогда казалось Никифору, отвечала ему столь же пылкой взаимностью. Но как показало время, была это вовсе не любовь, а юношеская влюблённость. Розовые очки упали с носа юной Ариадны, и она сбежала от него, забрав маленькую дочь. Твердохлёбов долго не мог простить своей первой жене Ариадне Всеволодовне именно то, что она разлучила его с дочерью. Ведь он души не чаял в маленькой Анфисе.

Но рано или поздно упорные лейтенанты дослуживаются до генеральских должностей. Никифор Лаврентьевич генералом не стал, так как, устав тянуть лямку, ушёл в отставку в чине полковника, отслужив положенные в таком случае двадцать пять лет. И наконец, вздохнув свободно, занялся своим бизнесом. К этому времени он уже был женат второй раз и растил сына. О дочери от первого брака Твердохлёбов тоже не забывал, подкидывал деньжат, привечал в своём доме и зорко следил за тем, чтобы его вторая жена Розалия Павловна не вздумала обижать его девочку. Когда Анфиса собралась замуж, Твердохлёбов устроил ей пышную свадьбу, хотя зять, тогда ещё жених, Тихон Поздняков не приглянулся ему с самого начала. «Не мужик, а серая мышь», – подумал тогда про него Никифор Лаврентьевич. Твердохлёбову сразу стало понятно, что выше начальника отдела Тихон Поздняков не поднимется, так и просидит всю жизнь в одной конторе тише воды ниже травы. И имя ему родители дали соответствующее характеру сына… Да и фамилия Поздняков была ему в самый раз, так как Тихон опоздал родиться как минимум лет на сорок. Вот в советские времена он был бы человеком на своём месте. Но дурочка Анфиса в муже души не чаяла, и Твердохлёбов скрепя сердце согласился на свадьбу, не желая ломать дочь через колено.

Никифор Лаврентьевич тогда думал, что поживёт дочка с Тихоном годок-другой и глаза у неё откроются. Но, видимо, Анфиса уродилась не в мать. Трудности её не пугали. Была она из той редкой породы женщин, которым с милым и в шалаше рай. Зря Твердохлёбов пребывал в уверенности, что такие женщины давно вымерли, как динозавры. Ан нет, вот его Анфиска как раз из таких. Не откладывая, как сейчас принято у молодёжи, дело в долгий ящик, родила она своему Тихону двух детишек – сына и дочку. Внук, по мнению Твердохлёбова, был точной копией папочки. «Такой же тюфяк вырастет», – думал про себя Никифор Лаврентьевич. Но, даже не возлагая на внука больших надежд, находил в своём сердце для мальчика тепло. Зато внучка была гордостью деда, та ещё оторва, ей бы парнем родиться, – часто думал Никифор Лаврентьевич, – но она и в женском обличье далеко пойдёт, был уверен дед.

И с существованием самого Тихона Твердохлёбов постепенно смирился, видя, как расцвела и похорошела подле него Анфиса. Ведь когда он увидел дочь в первый раз после долгой разлуки, была она неуклюжим голенастым подростком с испуганными глазами. Увидев девочку, свою кровиночку, Никифор Лаврентьевич второй раз по-серьёзному озлобился на свою первую жену. Он пытался отогреть дочку, осторожно расспрашивал, не обижает ли её отчим.

Анфиса в ответ только головой качала и не улыбалась.

– Растёшь ты у меня царевной Несмеяной, – порой в сердцах вырывалось у Твердохлёбова.

– Но что ты, папочка, – отвечала Анфиса, клала голову на грудь отца, и Никифор Лаврентьевич чувствовал, как на его кожу сквозь тонкую ткань рубашки просачивается пара горячих дочерних слезинок. Он скрипел зубами от бессилия и гладил большой ладонью русую головку Анфисы. Несмотря на все усилия, ему ничего не удалось накопать ни на бывшую жену, ни на её нового мужа. Переезжать жить к нему Анфиса, по непонятной ему причине, отказывалась.

Никифору Лаврентьевичу даже в голову не приходило, что дочка заботилась об отцовском благополучии. Несмотря на то что внешне отношение Розалии Павловны к дочери мужа от первого брака было безупречным, Анфиса чувствовала, что вторая жена отца не приняла её. Всего лишь терпит, притворяясь, что всегда рада появлению Анфисы в их доме. А будь её воля, костьми бы легла на пороге, только бы не впустить девчонку в свой дом. Но гнева мужа Розалия Павловна побаивалась и поэтому своё недовольство

держала при себе. Анфиса же, будучи натурой тонкой и впечатлительной, чувствовала флюиды ненависти, исходящие от улыбки, которую источала Розалия Павловна.

Совсем отказаться от встреч с отцом было выше Анфисиных сил. Но на просьбу отца переселиться к нему она твёрдо отвечала – нет, опасаясь, что, если она станет постоянным членом отцовской семьи, Розалия сорвётся и начнутся неминуемые скандалы. А отцовское спокойствие девочка ставила намного выше болезненных столкновений с родной матерью, которая постоянна была недовольна дочерью и неустанно повторяла – и в кого ты такая уродилась?

И вот встреча с Тихоном, а потом и брак с ним научили Анфису не только улыбаться, но и заливаться звонким счастливым смехом любимой и уверенной в себе женщины.

Услышав этот смех дочери в первый раз, Твердохлёбов не поверил своим ушам. А потом решил раз и навсегда – чёрт с ним, с Тихоном, главное, чтобы дочке было с ним хорошо.

И если зятю в заслугу Никифор Лаврентьевич ставил хотя бы умение делать счастливой его дочь, то собственный сын от второго брака Эдуард был для отца полным разочарованием. Никифор Лаврентьевич, особо и не скрывая этого, считал появление сына на свет своим самым неудачным проектом. Легкомысленный, безответственный, с детства избалованный матерью, Эдуард хотел получить всё и сразу. Он то и дело клянчил деньги то у отца, то у матери, строил прожекты, хватался то за одну утопическую идею, то за другую, но ни разу ещё ни одну из них не довёл до логического завершения. Удача не оставила в его руках не то что золотого хвоста, даже ни единого пёрышка. И Твердохлёбов, давно махнув на сына рукой, не решался лишь окончательно отказать ему от дома. Всё ж таки сын. К тому же Никифор Лаврентьевич чувствовал себя виноватым перед второй женой. Хотя он давно охладел к Розалии, но ушёл от неё, когда она серьёзно приболела и попала в больницу, сын тогда заканчивал институт. И теперь, несмотря на то, что он оплатил тогда Розалии и отдельную палату, и уход за ней медперсонала, душа его время от времени зудела. Не зря его бабка говорила, что как ни усыпляй свою совесть, она может проснуться в самый неподходящий момент.

Но тогда, когда он решил расстаться с женой, Твердохлёбов ни о какой совести не думал, да и не считал себя особо виноватым. Разве он был виноват в том, что

у него случилась новая любовь. Он буквально потерял голову от юной дамы полусвета, с которой познакомился на одном из фуршетов. Ради неё он и оставил семью. Никифор Лаврентьевич не жалел денег на возлюбленную, старался предугадывать её желания, ловил на лету все её капризы, заваливал её дорогущими подарками, дошло до того, что он купил ей машину и квартиру, свозил на целый месяц в Европу. А потом, как сказала бы его бабка, «оборотимся котом и будем мяукать». Твердохлёбову хотелось вовсе не мяукать, когда он в собственноручно подаренной квартире застал любовницу в недвусмысленной позе со своим охранником, а рычать!

Любовницу Твердохлёбов не тронул, а охранника сослал на Колыму, причём в прямом смысле этого слова. Парню дали билет и сказали, либо он едет туда и не показывает носа в течение пяти лет, либо никто не гарантирует, что однажды его не найдут на дне Волги с камнем на шее. Если, конечно, вообще найдут. Парень выбрал первый вариант и исчез.

А Никифор Лаврентьевич долго зализывал раны и едва не стал женоненавистником. Может, и стал бы им, если бы однажды не увидел на даче своего старинного друга, тоже полковника в отставке Игната Варфоломеевича Калитовского прекрасную девушку, похожую как две капли воды на Снегурочку. И имя у неё было подходящее – Снежана.

Никифор Лаврентьевич влюбился в неё с первого взгляда! Он чувствовал себя юным и окрылённым, вся тяжесть прожитых лет упала с его спины, как вязанка хвороста. И его не смутило то, что Снежана была невестой сына его друга и они вскоре должны были пожениться.

Однако разве мог юный Ромео, которого звали Виталий Калитовский, соперничать со швыряющим без счета деньги, вошедшим в раж Твердохлёбовым? Конечно, нет. Что он мог подарить своей Джульетте в образе Снежаны? Разве только прогулку по Волге на теплоходе, но никак не круиз по Средиземному морю. Ни на норковое манто, ни на бриллианты, ни на дорогую иномарку денег у недавно закончившего институт и только делающего первые шаги в карьере Виталия не было. Да и отец его не барствовал, бизнеса не имел и скромно жил на заслуженную пенсию полковника в отставке. Нет, не бедствовал, конечно, но и не шиковал.

Когда лучший друг увёл у любимого сына невесту, Калитовский-старший только и сказал словами песни, что если невеста предпочла другого, то это ещё не

значит, что в проигрыше остался тот, от которого она ушла. Да и мать сказала: «Виталя, зачем тебе такая девушка». Калитовский-младший ничего не ответил родителям и боль свою затаил в себе.

Никифор Лаврентьевич женился на Снежане… И она родила ребёнка. Только, как он сам думал, вовсе не от него… Твердохлёбов решил сделать ДНК. Ребёнок сейчас жил у родителей Снежаны. Если бы Никифор Лаврентьевич считал этого ребёнка своим, он бы ни за что не разрешил увезти его и вскармливать искусственно. А так он нутром чуял: не его кровь. Он знал, что у Снежаны есть молодой любовник. И даже догадывался, кто это. Короче, самые близкие люди приносили Твердохлёбову, несмотря на все вложенные в них инвестиции, одни сплошные разочарования.

И только племянник, сын его младшей, рано ушедшей из жизни сестры, Олег Георгиевич Кушнарёв, никогда и ничем не огорчал дядю. Он и денег никогда не просил, старался всего добиваться сам. Даже когда Никифор Лаврентьевич предложил племяннику оплатить его учёбу, Олег только плечами пожал и сказал: «Зачем же, дядя? Я и сам на бюджетный поступлю». И поступил, и окончил с красным дипломом. Работу сам нашёл ещё во время учёбы в институте и теперь работает в хорошей фирме, зарплату получает не то что дай бог каждому молодому специалисту, а уже и вполне опытному.

Теперь вот жениться собрался, сказал, что хочет дядю с девушкой своей познакомить. Никифор Лаврентьевич тепло улыбнулся. Что и говорить, с племянником ему повезло.

Глава 2

Снежана Матвеевна Твердохлёбова в детстве, как и большинство детей, верила в Деда Мороза, обожала Снегурочку. И была очень удивлена, когда ей однажды сказали, что она сама похожа на Снегурочку. Но во все следующие разы, когда ей говорили об этом, только плечами пожимала – похожа так похожа. Даже перестав верить в Деда Мороза, она продолжала верить в сказку новогодней ночи, в исполнение желаний, загаданных под бой курантов. Повзрослев, она стала мечтать, как и многие девушки, о принце на белом коне. И желания она загадывала о встрече с ним, о большой и чистой любви.

Когда ей едва исполнилось семнадцать лет, к ней стал подкатываться сосед по лестничной площадке, особенно когда был нетрезв. Снежана пожаловалась на него старшему брату, а тот рассмеялся и ответил ей словами бородатого анекдота: все девушки мечтают о принце на белом коне, а приезжает пьяный король на трамвае.

– Какой же он король?! – обиделась на брата Снежана.

А тот похлопал её по плечу и сказал: «Не волнуйся, сестрёнка, поговорю я с твоим навязчивым ухажёром».

И поговорил. Сосед не только перестал с ней заговаривать, но и, увидев её во дворе, сразу исчезал, а если у него была открыта дверь, когда Снежана поднималась по лестнице, дверь мгновенно с грохотом захлопывалась. «Что такого мог сказать ему брат?» – недоумевала Снежана.

После окончания школы она поступила учиться на кондитера и переехала жить в общежитие. Комната с тремя не очень шумными подружками показалась ей кусочком рая по сравнению с родительской квартирой, где все жили, выражаясь фигурально, друг у друга на голове. В семье было одиннадцать детей, и тишина не наступала никогда, даже ночью. Потому что и во сне кто-то обязательно сопел, кряхтел, кашлял, ворочался на кровати и вставал то в туалет, то попить на кухню. Наверное, тогда Снежана и решила, что рожать больше двух детей ни за что не станет.

Она по-прежнему, несмотря на насмешливое замечание брата, мечтала о принце. А он всё не появлялся. Плакать в подушку по ночам Снежана не решалась – вдруг она и на самом деле Снегурочка. … И если даже не растает на весеннем солнце, то может истечь изнутри слезами. Конечно, девушка разумом понимала, что всё это одни сплошные глупости. Но факт оставался фактом – она не только не была похожа на своих родителей, но и не имела ни малейшего сходства хоть с кем-то из своих братьев и сестёр. Все они были смуглые, румяные, весёлые, с карими глазами и каштановыми волосами. А Снежана белолицая, бледная, светловолосая, с голубыми, почти прозрачными глазами. И чаще всего грустная.

Однажды с ней всё-таки случилось чудо. Подруга пригласила её на выставку в художественный музей, но всего за несколько минут до назначенного срока

позвонила и сказала, что прийти не сможет, так как простудилась и у неё подскочила температура.

Снежана стояла у крыльца художественного музея в полной растерянности. В какое-то мгновение ей показалось, что само монументальное здание, построенное в стиле неоклассицизма и бывшее в начале прошлого века купеческой усадьбой, смотрит на неё окнами всех своих трёх этажей с некоторым скепсисом, весьма обидным для девушки. А уж скульптуры на портике здания взирали на Снежану свысока не только в переносном, но и в прямом смысле…

Она понятия не имела, что же ей делать. Войти и, купив билет, посмотреть картины? Ведь у неё всё равно не было больше никаких планов на этот день. Или трусливо сбежать, чтобы не показаться смешной и нелепой среди бродящих по залам подлинных ценителей художественного искусства.

Неизвестно, сколько бы ещё она стояла перед входом в музей, переминаясь с ноги на ногу, если бы не услышала рядом с собой приветливый мужской голос:

– Девушка, вы заблудились?

– Я? – оглянулась она. И увидела перед собой симпатичного молодого парня. Его губы дружелюбно улыбались ей, а в серых глазах прыгали озорные чёртики.

– Я нет, – пробормотала Снежана, – в том смысле, что не заблудилась. Просто мы должны были пойти в музей с подругой, а она не пришла, – зачем-то начала она объяснять незнакомцу.

– В музей не обязательно ходить в компании с кем-то, можно и одному, – произнёс он на этот раз серьёзно.

– Я понимаю, – вздохнула Снежана, – просто… – Она замолчала.

– Позвольте мне догадаться, – снова улыбнулся он, – вам нужен экскурсовод.

– Не совсем чтобы так, но, – снова запнулась она.

– Что ж, тогда я составлю вам компанию, – и Снежана не успела опомниться, как он подхватил её под локоть, вознёс на крыльцо, открыл перед ней массивную дверь, ввёл в холл, отпустил ненадолго её руку, сказав: – Я сейчас куплю билеты, – и отошёл к кассе.

Когда он вернулся, Снежана самозабвенно рылась в своей сумочке.

– Что вы там ищете? – спросил он. – Может быть, платок? – И тотчас протянул ей свой белоснежный носовой платок.

– Нет, спасибо, – проговорила Снежана, вытащив из сумки кошелёк, расшитый пёстрым бисером, – я сейчас, – она собралась потянуть за замочек, – у меня есть деньги на билет, – пояснила она смущённо.

– Девушка, – позвал он.

Снежана удивлённо подняла голову.

– Вас как зовут?

– Снежана.

– Романтично. А я Виталий. И так как я, можно сказать, пригласил вас в музей, то и билеты должен был купить я.

– Должны? – удивилась она.

Он утвердительно кивнул.

– Но как же это так, – снова растерялась она, – мы же с вами не знакомы.

– Как то есть не знакомы? – на этот раз делано удивился он. – Мы же с вами только что познакомились.

Она смотрела на него озадаченно.

– Разве нет? – уточнил он, и ироничная улыбка точно змейка скользнула по его губам.

– В общем, да, – вынуждена была согласиться она.

– Вот и превосходно, – обрадовался новый знакомый и, сделав широкий жест в сторону лестницы, произнёс: – Прошу!

Она послушно проследовала в указанном направлении.

– А вы знаете, что наш музей – один из самых больших в Поволжье, не только в смысле квадратных метров, им занимаемых, но и по масштабу коллекции, представленной в его экспозиции?

– Нет, я этого не знала, – призналась Снежана.

– Ну как же! – вдохновился он. – Здесь собраны не только картины русских художников второй половины XIX века, но и полотна художников-авангардистов 10—20-х годов прошлого века, русский фарфор и интересные предметы искусства Востока.

– Это действительно интересно, – пробормотала Снежана, краснея, и спросила: – А он старый?

– Кто? – искренне удивился Виталий.

– Музей. Ну, в смысле, его давно открыли?

– А-а, – облегчённо вырвалось у молодого человека, – точкой отсчёта можно считать вклад купца К. П. Головкина и местных художников-любителей, сделанный в 1897 году.

– Значит, старый, – подвела итог Снежана. И Виталий невольно улыбнулся почти детской простоте её рассуждений.

В музее они пробыли три часа, ходили из одного зала в другой, и Виталий рассказывал девушке об истории каждого экспоната. Заметив, что она устала,

он предложил ей продолжить экскурсию в другой раз. Снежана обрадованно согласилась.

Виталий пригласил девушку в кафе, где накормил обедом. А потом предложил совершить прогулку по Волге на «Омике». И она с радостью согласилась.

Солнце уже склонялось к горизонту, дома и деревья отбрасывали длинные тени, когда он довёл её до дверей общежития, где они и расстались, обменявшись номерами телефонов.

В эту ночь Снежана не спала почти до самого рассвета, перед её глазами постоянно всплывал образ Виталия, она слышала его голос и ощущала приятный, слегка терпкий аромат его одеколона или крема. Точно она не знала, но мысль о том, что она наконец-то встретила своего принца, не давала ей заснуть.

Виталий позвонил Снежане через день и пригласил в кино, она с радостью согласилась. И с этого дня они стали видеться почти постоянно, назначая друг другу свидания на вечера и не расставаясь по целым дням в выходные.

А потом Виталий познакомил Снежану со своими родителями, и они приняли её довольно хорошо, хотя внутренний голос подсказывал Снежане, что Калитовские не в восторге от того, что сын встречается с бедненькой девушкой из многодетной семьи, которая учится не в хорошем вузе, а в училище на кондитера. Но вслух ни отец, ни мать Виталия недовольства своего не высказывали, а Виталий, поглощённый своими любовными ощущениями, не почувствовал родительского холодка в отношении своей будущей невесты.

Со временем и Снежана про себя решила, – пусть себе думают о ней что хотят, лишь бы не мешали им с Виталием сыграть свадьбу и жить вместе. Вот только где жить? С родителями Виталия Снежана жить не хотела, а снимать квартиру для них было на сегодняшний день делом накладным. И они решили немного подождать. На работе дела у Виталия шли хорошо, его вот-вот должны были назначить замом начальника отдела и, соответственно, прибавить зарплату. Тогда молодая пара и решила сыграть свадьбу, а пока они весело и с пользой проводили время. Виталий всячески старался повысить культурный уровень своей девушки. И она охотно ходила с ним в музеи, театры, кино и в другие интересные места. Даже лекции соглашалась слушать. Но вот умные книги,

которые он ей приносил, читать ленилась. Виталий старался не подавать вида, что его это огорчает, но Снежана чувствовала его недовольство и, игриво ластясь к нему, шептала:

– Виталик, ну зачем тебе жена, которая будет умнее мужа.

– Я люблю умных женщин, – серьёзно отвечал он, не попадаясь на её уловки. Иногда он сам принимался читать принесённые для неё книги вслух. И Снежане ничего не оставалось делать, как слушать и нередко скучать. Дождавшись окончания чтения, она, не скрывая облегчения, тотчас хватала его за руку и звала куда-нибудь отправиться. В кафе они бывали редко, за исключением кафе-мороженого. Но Снежана и не настаивала, понимая, что мешочек с золотом не оттягивает пояс её возлюбленного. Но всё-таки не зря испанцы и португальцы называли свои деньги – эскудо, что в переводе на русский звучит как «щит», «герб» или «гербовый щит». Что бы там ни говорили сторонники версии, что счастье, мол, не в деньгах, но именно деньги создают ощущение защиты и уверенности в завтрашнем дне. Если у тебя есть деньги, то возможно всё! Или почти всё. А без денег множество желаний остаются нереализованными. Ведь в большинстве своём люди далеко не Эйнштейны, чтобы позволить себе ходить с юности и до старости в одном и том же плаще. Об этом ей, кстати, рассказал Виталик, вероятно, надеясь на то, что Снежана проникнется идеей того, что важны не материальные ценности, а духовные. «Хотя, может быть, это всего лишь миф, – думала девушка, – и на самом деле у Эйнштейна было несколько плащей!» Жених ей также рассказал, что Эйнштейн не носил носков. К этому сообщению девушка отнеслась с ещё большим недоверием, вот их семья всегда жила бедно, но носки были у всех, хоть и не всегда новые.

Поэтому она спросила, не скрывая улыбки, почему же это он не носил носков? Чтобы не стирать их и не зашивать дырки?

– Очень может быть, – ответил Виталий, – но сам учёный говорил так, что вокруг него одни босяки, голытьба и в материальном, и в умственном плане, так что ему хватает его привычки плохо одеваться.

– Значит, он считал себя умнее других? – не подумав, спросила Снежана.

– Но ведь это так и было, – улыбнулся ей в ответ обворожительно Виталий.

Снежана решила, что жених смеётся над ней, и надулась. Правда, помирились они почти сразу. Девушка решила, что Виталий прав, а на правду обижаться глупо.

И как раз в это время на горизонте нарисовался Твердохлёбов. Вернее, он приехал в гости к своему другу как раз в то время, когда там находилась Снежана.

Поначалу девушка не обратила на него внимания – подумаешь, старый друг отца Виталия. Но потом она невольно заметила, какими глазами смотрит на неё Никифор Лаврентьевич. Впрочем, взгляды влюблённого отставника при всём желании было невозможно не заметить. Твердохлёбов не сводил с девушки глаз, и в них читалось такое ничем не прикрытое восхищение и желание, что поначалу её точно кипятком ошпарили. «Вот нахал!» – подумала она. А потом сама, как будто бы против собственной воли, стала приглядываться к нему. И отметила про себя, что Никифор Лаврентьевич вовсе не выглядел пожилым человеком, и уж точно ни у кого не повернётся язык назвать его стариком. Твердохлёбов сохранил статную поджарую фигуру, плечи расправлены, спина прямая, живот подтянут. Морщины заметны только на лбу, и лучики возле глаз, сами глаза зоркие и блестящие, густые волосы только на висках тронуты сединой. А уж если говорить о его джипе «БМВ» последней модели, то и никаких слов, способных описать восхищение Снежаны, отыскать ни в одном языке мира было невозможно. Хотя сама она знала только русский, ну ещё два-три словечка, часто бывших на слуху, по-английски, по-немецки и по-французски. Но разве это имеет значение? Хотя вот Виталик постоянно зудел ей, что каждый уважающий себя современный человек должен знать хотя бы два иностранных языка и уж только в крайнем случае один английский. Снежана отшучивалась от его наставлений и говорила о том, что она не знает иностранных языков, но зато умеет готовить вкусные – язык откусишь и красивые – глаз не оторвёшь торты, пирожные, кексы и ещё много чего другого.

Но Виталик утверждал, что сладкое и мучное есть вредно, и если она будет увлекаться своими кулинарными шедеврами, то годам к тридцати превратится в квашню. Слышать это Снежане было неприятно, к тому же фигурка у неё была – загляденье!

Вот Никифор Лаврентьевич, едва они остались наедине, сразу дал ей понять, что ум для женщины не главное. Хотя Снежана и с этим была не согласна, но зато поняла, что если бы её избранником стал Твердохлёбов, то он не стал бы её

грузить заумными вещами, которые абсолютно не нужны женщине в повседневной жизни. Вот, например, зачем будущему кондитеру знать, что первым программистом признана леди Ада Лавлейс, дочь поэта Байрона. Снежана и самого Байрона никогда не читала. Или вот что воскресенье стало выходным днём по воле императора Константина Великого 7 марта 321 года. О существовании Римской империи Снежана краем уха слышала, но о существовании самого Константина и не догадывалась. Нет, конечно, императору слава! Так как даже подумать страшно, что когда-то люди работали без выходных. «Наверное, тогда и появилась поговорка, что от работы кони дохнут», – подумала Снежана вскользь.

Кстати, в жизни самого императора, как оказалось, тоже было не всё гладко. Отцом его был, конечно, самый настоящий император Констанций I Хлор. Зато матерью – дочь трактирщика. И получается, что Константин Великий был незаконнорожденным. Однако повезло парню родиться в то время, когда для окружающих не имело значения, законный он сын императора или рождённый на стороне. И хотя папаше потом пришлось жениться на падчерице императора Августа Максимилиана Геркулия Феодоре и в этом браке появилось множество детишек, императором всё же стал сын трактирщицы. Вот только зачем всё это Снежане? Хорошо ещё, что у неё память хорошая, а то Виталик любит потом ненароком поспрашивать, что из рассказанного им отложилось в голове любимой девушки.

Так что в общении с Твердохлёбовым Снежана находила отдохновение. А позднее, едва поняв, что он потерял от неё голову, решила не терять шанса на благополучную безбедную жизнь.

Когда она сообщила Виталику, что Твердохлёбов сделал ей предложение, он рассмеялся. А когда она сказала, что согласилась стать его женой, Виталик превратился, как жена Лота, в слюдяной столб. И отмер далеко не сразу, а потом спросил, запинаясь: – Ты что, с ума сошла?

– Нет, – покачала она головой, – просто я устала.

– От чего? – искренне изумился он.

– От нищеты.

– Разве ты нищая? – удивился Виталий.

– А то богатая, – горько усмехнулась Снежана. – Всю жизнь я только и слышала от матери её присказку: «Бьюсь, как один общеизвестный корнеплод о кочку».

– Не понимаю, – растерянно проговорил он.

– А что понимать-то тут? Всю жизнь мы перебивались с хлеба на воду. Хлеб, картошка, макарошки были нашей повседневной едой. Какая-нибудь завалящая сосиска была для нас праздничным угощением.

– Но ты никогда не говорила об этом.

– А чего об этом говорить, не хотела бередить свою душу, да и нищебродкой перед тобой выглядеть не хотела.

– Но я обещаю тебе, что мы не будем нищенствовать! – горячо заверил её Виталий.

– Но и шиковать не будем, – с нескрываемой грустью ответила Снежана.

– А ты хочешь непременно шиковать? – усмехнулся он.

– Да! – с вызовом вырвалось у неё.

– Но, Снежана, ведь он старый! – попытался Виталий образумить любимую.

– Ничего он не старый! К тому же мне его не варить!

– Пройдёт время, и ты горько пожалеешь о своём решении!

– Ты мне угрожаешь?

– Я тебя предупреждаю, – выдохнул он устало. А потом махнул рукой и ушёл.

Снежана тогда не приняла всерьёз слова Виталия. Её душа была полна самых радужных планов. Отдавая свою руку Твердохлёбову, она не задумывалась о том, что сердце-то её остаётся при ней. А после того, как в нём сначала поблек, а потом и растаял образ Виталия, оно осталось пустым, испугалось своей неприкаянности и затосковало.

Когда Снежана выходила замуж за Твердохлёбова, вся её последующая жизнь представлялась ей одним сплошным праздником. Но в реальности всё оказалось совсем не так. Сначала, правда, была череда праздников – помолвка, свадьба, свадебное путешествие. Но потом всё это как-то разом оборвалось. Муж увёз её в загородный дом и оставил в одиночестве. Сам он с утра уезжал в свою фирму и пропадал в городе до вечера, часто до глубокого. Домой возвращался усталый, на заигрывания и ласки молодой жены отвечал вяло. Иногда просто погладит по головке, пробормочет – снегурочка ты моя, – и засыпает до утра.

«Хоть бы бессонница у него случилась!» – порой думала в сердцах Снежана. Но муж спал крепко. В выходные они иногда ездили в город, в ресторан или в клуб. Но клуб, к слову, был скучный, собирались там одни солидные люди, попросту говоря, денежные мешки, и опять же вели разговоры о делах, словно им рабочих дней было мало. О посещении музея или походе в театр и речи не шло. Правда, однажды Снежана заикнулась о том, что в город на гастроли приехал питерский театр, но муж равнодушно бросил – так что ж с того? Приехал и приехал.

– Мы могли бы сходить на спектакль.

– Ещё чего, – отмахнулся Твердохлёбов.

Время от времени у них собирались гости. Чаше всего приезжала старшая дочь мужа Анфиса со своей семьёй, сын Эдуард от второго брака с очередной пассией, племянник Олег, всегда один, и иногда собирались друзья Твердохлёбова. У Снежаны же и подруг не осталось. Со своими родителями, братьями и сёстрами она контакта не поддерживала ещё с той поры, как поступила в училище и поселилась в общежитии.

Но сердце, как известно, без любви долго жить не может. Тем более что занять себя в загородном доме Снежане было абсолютно нечем, в будни печь торты было не для кого, разве что для прислуги. А в праздники печь их ей не хотелось, потому что родню мужа она не любила. Хотя вроде бы Анфиса относилась к ней

по-доброму, племянник держался нейтрально, а вот сын Твердохлёбова её откровенно презирал и при любом удобном случае злобно шипел:

– У, змея, вползла в наш дом! Семью разрушила.

Снежана не боялась Эдуарда и отвечала ему той же порцией презрения. Тем более что никакой семьи она не разрушала. Если Твердохлёбов и ушёл когда-то от матери Эдуарда, то вовсе не из-за неё, так как до встречи со Снежаной Никифор Лаврентьевич несколько лет жил один. Короче, Снежана умирала от скуки. Вскоре сидеть взаперти в загородном доме ей стало невмоготу. И, может быть, именно поэтому она влюбилась. Новый избранник оказался молодым, хоть и не юным, и таким горячим, какими описывались мужчины в испанских балладах, которые читал ей в самом начале их знакомства Виталий. Она бросилась в новое чувство как в омут с головой! Её бледные щёки покрыл нежный румянец, глаза заблестели, талия округлилась, и совсем скоро Снежана поняла, что она беременна. Тест подтвердил её подозрения. Снежана хотела иметь ребёнка, но вот от кого она забеременела, от мужа или от любовника, понятия не имела и поэтому испугалась. Вопреки её ожиданию, Твердохлёбов обрадовался сообщению о грядущем появлении на свет наследника и окружил её удвоенной заботой.

Здоровый малыш родился в срок. И всё бы ничего. Но Никифор Лаврентьевич ни с того ни с сего, с точки зрения молодой женщины, заподозрил её в измене. Снежана даже представить не могла, как он мог узнать об этом. То ли на ухо кто шепнул, то ли самому Твердохлёбову показалось, что сын не очень-то похож на него. Он устроил жене скандал и заговорил о ДНК. Испугавшаяся Снежана вспомнила о своих родителях и, не подумав о последствиях, уговорила их на время взять мальчика к себе, сунув при этом в руки матери такую огромную сумму денег, что у той глаза округлились и она пролепетала:

– Дочка, где ты их взяла?

– Мама, – выкрикнула Снежана, – я замужем за денежным мешком! И деньги я даю на ребёнка, то есть на его сына.

– Тогда ладно, – пробормотала мать, не желая углубляться в сомнительные, с её точки зрения, взаимоотношения дочери с мужем, который годится по возрасту ей в отцы.

Конфликт у Снежаны вышел и с любовником. Наверное, он тоже гадал на кофейной гуще, от кого Снежана родила ребёнка, и был недоволен, что она отдала его в бедный дом своих родителей.

Глава 3

Анфиса Никифоровна Позднякова, дочь Твердохлёбова от первого брака, любила своего отца редко встречающейся ныне безусловной любовью. Ей было всё равно, богат он или беден, она была рада тому, что он у неё есть. И она, несмотря на то что сама стала мамой двоих детей, не отказывала себе в удовольствии, когда никто не видел их, забраться к отцу на колени, обнять его за шею и тереться, как в детстве, носом о его щёку, пахнущую одеколоном и им самим, при этом лепеча:

– Папа, папочка.

А Твердохлёбов, шутя, покачивал дочь на коленях, прижимал к груди её голову и приговаривал:

– Коровушка ты моя не маленькая.

И оба в эти минуты – и отец и дочь – были безгранично счастливы. Анфиса и словом не заикнулась о том, что отец поступил неправильно, разведясь с матерью Эдуарда и сойдясь с женщиной, имеющей сомнительную репутацию. Была рада, что он расстался с ней, не успев оформить отношения. К его женитьбе на Снежане она отнеслась спокойно, думая лишь о том, чтобы отцу было хорошо, чтобы он наконец обрёл семейное счастье. Смущало Анфису только то, что Снежана слишком молода и, как ей показалось, несколько поверхностна. Но решила, что не вправе требовать душевной глубины от других. И потом, кто знает, может быть, повзрослев, Снежана приобретёт опыт и мудрость, именно так Анфиса приглушала тревожные звоночки, время от времени позвякивающие в её мозгу. И всё вроде бы и впрямь утряслось, Снежана родила мальчика, и теперь у неё есть ещё один брат, а у её детей – дядя. Хотя интересно получается, – думала Анфиса, – дядя-то младше племянников. Но в наше время в мире всё так перепуталось, что и родственные связи приобрели такие удивительные переплетения, о которых раньше люди и помыслить не

могли.

Приглашению встретить Новый год в доме отца Анфиса обрадовалась. Она и не сомневалась, что оно придёт. Отец, так же как она, любил встречать праздники в большой компании, чтобы в сборе были дети, внуки и все самые близкие люди.

Муж на сообщение Анфисы о том, что Новый год они встретят в загородном доме её отца, только согласно кивнул. И хотя Тихон не произнёс ни слова, Анфису это ничуть не насторожило, так как муж её от природы был человеком молчаливым. Зато дети, узнав, что они едут к дедушке, визжали от восторга. Перспектива порезвиться на свежем воздухе, покататься на лыжах в хвойном лесу, посидеть вечером у камина в обществе сенбернара, возле ног дедушки, казалась им заманчивой. Не последнюю роль в их восторге играло и ожидание щедрых подарков от деда. Новогоднее письмо они, естественно, каждый год писали Деду Морозу. Но вскоре поняли, что тот все письма пересылает их родному деду Никифору, и тот, в свою очередь, заботится о том, чтобы внуки получили на Новый год именно то, чего им так хочется.

Второй дед Иван тоже дарил им к праздникам подарки, но не такие щедрые, как дедушка Никифор. Однако внуки на дедушку Ваню не в обиде. Ведь отец им частенько напоминает, что его родители не являются долларовыми миллиардерами. «А вот дед Никифор, наверное, и есть этот самый миллиардер», – наивно думали дети и были счастливы в своём неведении.

Анфиса, в отличие от своих детей, конечно, знала, что отец её хоть и является человеком весьма обеспеченным, до долларового миллиардера ему как до неба. Но, как уже говорилось раньше, молодую женщину интересовали не материальные возможности отца, а её собственная возможность видеться и общаться с ним.

С матерью у Анфисы отношения разладились давно, когда она ещё была ребёнком. Можно сказать, сразу, как только мать вышла второй раз замуж. Через год у неё родились двойняшки от нового мужа, и матери стало не до Анфисы. Отчим девочку не обижал, но, так же как и родная мать, не интересовался, чем и как живёт падчерица. Отец же всё это время был далеко. И Анфиса страшно по нему скучала. Нередко по ночам, уткнувшись в подушку, она тихо всхлипывала: папочка, родненький, возьми меня к себе. Но вскоре девочке объяснили, что по суду в их стране дети остаются с матерями. Исключения бывают редко. И она в их число не попала. Так что оставалось

только терпеть, надеяться и ждать. Что и делала Анфиса, сцепив для надёжности зубы. И как же она обрадовалась известию о том, что отец вышел в отставку и поселился в их городе. У отца тогда уже была вторая жена и маленький сын от неё, но Анфису Никифор Лаврентьевич сразу принял в свою семью. И она стала проводить у него почти всё своё свободное время. Не запускала учёбу, после школы легко поступила в институт и там училась почти без четвёрок. Старалась быть приветливой с его второй женой Розалией, которая в отсутствие мужа сверлила её холодными глазами, а когда муж был дома, расточала приторные улыбки и лила елей.

Брат Эдик, скорее всего, науськанный матерью, тоже с первых дней невзлюбил старшую сестру, хотя она изо всех сил старалась подружиться с ним, делала маленькие подарки, затевала весёлые игры. Но проку от её стараний не было. И Анфиса смирилась, прекратив попытки угождать не принявшим её членам семьи. Главное, что у неё есть любящий отец.

Поэтому, когда Никифор Лаврентьевич ушёл от Розалии Павловны, она не слишком-то огорчилась. Даже, может быть, обрадовалась в глубине души. Но признаться в этом не посмела даже самой себе. Его брак со Снежаной она приняла спокойно.

Только одно огорчало её – отцу не понравился её избранник. А Анфиса Тихона полюбила так крепко, что ей казалось: брось он её – и она в тот же миг дышать перестанет. Отец, очевидно, понял это и препятствовать их браку не стал. Но того, что Тихон ему не по душе, не скрывал. И Анфиса переживала из-за этого до неимоверности. Подобрел отец к её мужу только после того, как у них родились дети. Да и убедился он уже к этому времени, что Тихон не собирается жить за счёт тестя, не просит ни денег, ни устройства его на тёплое место, надеется только на свою голову и свои руки и делает всё возможное для благополучия своей семьи. Не заметить этого Никифор Лаврентьевич просто не мог.

Тихон Иванович Поздняков.

Тихон влюбился в Анфису так же сильно, как она в него, можно сказать, с первого взгляда, абсолютно не ведая о том, кто её родители. Узнав, не слишком-то обрадовался. Ариадну Всеволодовну он невзлюбил с такой же скоростью, с какой влюбился в Анфису. Второго мужа матери жены, как это не удивительно

для характера Позднякова, он счёл тюфяком и решил игнорировать. Благо сделать это ему было не трудно. Ни с тёщей, ни с её семьёй общаться Тихону не приходилось, благо сама Анфиса предпочитала лишний раз с матерью не пересекаться.

А вот тестя игнорировать не представлялось никакой возможности, так как в отце Анфиса души не чаяла, и суровый Твердохлёбов относился к дочери точно так же, как она к нему.

Так что Тихону пришлось терпеть тестя, и он терпел его исключительно ради жены. Он понимал, что Анфиса искренне привязана к отцу и за многое ему благодарна. Поэтому соглашался ездить к Никифору Лаврентьевичу в гости, когда тот приглашал их, а случалось это, к сожалению Тихона, довольно часто. Поздняков чувствовал себя в доме тестя не в своей тарелке и всякий раз, едва переступив порог, мечтал поскорее вырваться оттуда.

Иногда голову Тихона даже посещали крамольные мысли – вот если б тесть неожиданно скончался, то им и не надо было бы к нему ездить. И при этом Поздняков почему-то всегда задумчиво смотрел на свои большие сильные руки.

О том, что Анфисе достанется приличное наследство, Тихон почему-то не думал. Может, потому, что считал, что денег им и так хватает, ведь он неплохо зарабатывает, не пьёт, не курит, каждую копейку несёт в дом. По всему выходило, что тесть его не так уж и был не прав, считая, что Тихон опоздал родиться эдак лет на сорок-пятьдесят, когда такой справный мужик, как он, пользовался в обществе почётом и уважением.

Эдуард Никифорович Твердохлёбов был сыном полковника Твердохлёбова от второго брака. Мать Эдуарда Розалия Павловна была женщиной красивой и утончённой. Так, по крайней мере, довольно долгое время считал Никифор Лаврентьевич, который заметил жеманную красавицу на сцене одного из захудалых провинциальных театриков крохотного городка. Розалия играла юную графиню, которая трогательно страдала от постоянных домогательств графа, своего мужа и от неразделённой любви к собственному лакею, волочившемуся за озорной горничной.

Твердохлёбов настолько проникся игрой провинциальной актрисы, что сразу после спектакля зашёл за кулисы и вручил ей букет цветов, который вообще-то изначально планировал подарить совсем другой женщине. Глаза искренне обрадовавшейся его вниманию Розалии засияли так ярко, что Твердохлёбову захотелось продолжить знакомство, и он пригласил актрису в лучший ресторан города. К слову, лучший ресторан городка не дотягивал даже до уровня столичной забегаловки.

– И как вы здесь живёте? – вырвалось у Никифора Лаврентьевича.

– Как все, – ответила она тихо и печально.

– Розалия! Вы достойны лучшего! – жарко прошептал Твердохлёбов и приник горячими губами к прохладной маленькой ручке Розалии.

– Хотите пригласить меня в номера? – грустно усмехнулась она.

– Ну что вы! – возмутился он. И, подумав, добавил: – Просто моя командировка в ваше захолустье заканчивается через два дня, и я предлагаю вам поехать со мной.

– Куда? – спросила она.

Твердохлёбов назвал город, в котором тогда стояла их часть. Это уже была не Средняя Азия и не заштатный российский город, а мегаполис. Единственным его минусом было то, что он находился на Урале. Хотя почему минусом? Город нравился многим, даже иностранцам. В нём был довольно высокий уровень жизни, бурлила культурная жизнь, по крайней мере, театр был далеко не один.

Услышав название города, Розалия воскликнула:

– Там всё так дорого!

– Ну и что, – пожал он плечами.

– Но у меня нет там знакомых!

– А зачем они вам понадобились? – удивился он.

– Где же, по-вашему, я буду жить?

– На первое время я сниму вам квартиру, а там посмотрим, – отозвался он неопределённо.

– И на что я буду жить?

– Об этом вы можете не беспокоиться, – твёрдо заверил её Твердохлёбов.

И тут Розалия неожиданно вздёрнула свой подбородок, чудесные глаза её гневно блеснули:

– Предлагаете мне стать вашей содержанкой?!

– Ну что вы! – неожиданно для самого себя растерялся Твердохлёбов. – Я только хотел вам помочь.

– Я в подобном благодеянии не нуждаюсь! – гордо заявила девушка, поднялась со стула и покинула лучший в городе ресторан, оставив в нём сидеть всё ещё не пришедшего в себя Никифора Лаврентьевича.

Твердохлёбов тем временем покачал головой и усмехнулся. Эта выходка Розалии на долгие годы определила её судьбу. Потому что уже на следующий день, вернее, сразу после вечернего спектакля, Никифор Лаврентьевич зашёл за кулисы с корзиной роз и сделал Розалии предложение. Она явно не ожидала этого и выглядела растерянной, даже жалкой.

– Вы что, смеётесь надо мной? – спросила она, комкая только что снятые кружевные перчатки графини.

– Какой тут может быть смех? – удивился, в свою очередь, полковник и даже оскорбился. – Я делаю вам официальное предложение, а вы капризничаете, как взбалмошная кокотка.

– Вы что же, хотите жениться на мне? – всё ещё не могла поверить Розалия.

– Конечно, на вас! Не на вашем же светопостановщике!

– Почему именно на светопостановщике? – Брови Розалии взлетели вверх.

– Потому, что, кроме вашей игры и работы вашего светопостановщика, меня в этом спектакле не воодушевило больше ничего! Так вы согласны стать моей женой?

– Я? Да… – пролепетала она. И через месяц уже была хозяйкой трёхкомнатной квартиры на восьмом этаже двенадцатиэтажного дома. Ни в один из местных театров Розалию не приняли, сказали, что нет вакансий. Она пробовала уговорить мужа пристроить её в театр по блату. Но Твердохлёбов только отмахнулся: чего тебе не хватает? Сиди дома!

И Розалия смирилась. На целый день она оставалась дома одна. Иногда дела в части отнимали у мужа время и по вечерам. Но это не слишком огорчало Розалию. Она ещё никогда не жила так обеспеченно и благоустроенно, поэтому наслаждалась жизнью. Молодая женщина не стала затягивать с рождением детей и через год подарила мужу сына. Мальчика назвали Эдуардом. Он и стал для матери центром вселенной. Несмотря на замечания мужа, Розалия баловала мальчика и исполняла практически все его желания.

Твердохлёбов считал, что сын растёт изнеженным и безответственным. Время от времени он пытался вмешиваться в воспитание сына, но служебные дела мешали ему заниматься этим постоянно. А воспитательный процесс, осуществлявшийся урывками, только раздражал уже подросшего Эдуарда. Став подростком, он бывал порой просто неуправляемым и притих лишь на время, когда отец захотел определить его в военное училище. От такой перспективы Эдик пришёл в ужас, ему по ночам стали сниться кошмары, от которых волосы вставали дыбом. Вся надежда была на мать. И той удалось умилостивить, казалось бы, непреклонного мужа. Твердохлёбов согласился, чтобы сын окончил школу и поступил в институт. Мать с сыном могли бы вздохнуть облегчённо, если бы не одно «но». Твердохлёбов-старший выставил им условие, что Эдуард поступит на бюджетный факультет.

Делать было нечего, Розалия наняла сыну репетиторов, и тот, денно и нощно проклиная отца, принялся за учёбу. Разнеженному Эдуарду в этот период его жизни весь белый свет казался немилым, он скрипел зубами и, рыдая, заверял

мать:

– Мама, я больше не могу.

– Ещё немножечко, сыночек, – уговаривала та, страдая вместе с сыном.

Наконец свершилось чудо! Эдуард сдал ЕГЭ, и его приняли на бюджетный факультет «Техника и технологии наземного транспорта». Естественно, что работать по избранной специальности Твердохлёбов-младший не стал. Главным ему было то, чтобы отстал отец. Учился он, конечно, через пень колоду, но благодаря обаянию матери и её неофициальным финансовым вливаниям в карман нужным людям Эдуард с грехом пополам институт окончил. Но к этому времени его ждал неприятный сюрприз – отец завёл себе пассию и бросил ради неё мать. Узнав, кто она, Эдуард грозился оторвать ей голову, но потом, поняв, что избавиться от шалавы, как он называл возлюбленную отца, можно совсем другим способом, он, назанимав денег, подкупил охранника отца для того, чтобы тот соблазнил его любовницу и подстроил так, чтобы отец вернулся домой в данный момент.

Идея Эдуарда сработала, отец бросил любовницу. Но то, для чего была разработана и осуществлена вся эта затратная комбинация, достигнуто не было. Отец к матери не вернулся. А Эдуарду пришлось ещё и долги отдавать. Деньги он, естественно, тянул с родителей. Поначалу Твердохлёбов-старший, чувствуя за собой вину за разрушенное семейное гнездо, особо не скупился. Но потом денежный ручеёк, текший из кошелька отца, день ото дня стал всё скуднее, пока почти совсем не иссяк. Отец отчего-то решил, что его сын уже давно стал взрослым человеком и ему самому пора зарабатывать на жизнь. В завершение всех несчастий Эдуарда, отец на старости лет влюбился в молоденькую девушку. Но этого ему показалось мало! Старый осёл, как считал сын, не придумал ничего лучшего, как жениться на ней! Эдуард был в бешенстве! Он готов был ворваться к отцу и устроить ему грандиозный скандал. Но вскоре остыл и понял, что ссориться с отцом ни в коем случае нельзя. Оставалась надежда на то, что отец надорвётся, ублажая молодую супружницу, и отбросит копыта, оставив наследникам приличное наследство. Правда, делить его придётся не только с сестрицей, которую Эдуард считал тупой и наивной, но и присосавшейся к их пирогу Снежаной. Всё это не могло радовать накопившего большие долги Эдуарда, но другого выхода он не находил. К тому же отец, как назло, не собирался умирать, а кредиторы напирали на Эдуарда со всех сторон, и он стал всерьёз опасаться за свою жизнь. Деньги нужно было достать

немедленно. Вот только где? На ум ему приходили далеко не добрые мысли. И он даже начал строить планы по их осуществлению. И тут, очень кстати, отец решил собрать всё семейство в своём загородном доме на Новый год.

Розалия Павловна Твердохлёбова на щедрое пособие, которое выплачивал ей бывший муж, могла бы жить припеваючи. Но от этих денег ей доставались крохи, всё остальное она отдавала горячо любимому сыну, упорно не желая замечать, что он вырос отпетым прожигателем жизни – лентяем и балбесом. К тому же недавно Розалия узнала, что сын её игрок, что он погряз в долгах и его кредиторы стали ему угрожать. Самой денег для сына ей взять было негде, и она уговаривала Эдуарда ради спасения собственной жизни обо всём рассказать отцу, покаяться перед ним и умолять его, хоть бы и на коленях, оплатить наделанные им долги.

– Не душегуб же он, – уговаривала она сына, – не может же он не помочь тебе, если речь идёт о твоей жизни.

Узнав о том, что бывший муж позвал сына на празднование Нового года, Розалия Павловна несказанно обрадовалась и зашептала:

– Поезжай, Эдик! И помни, о чём я тебе говорила.

– Мать, ты чего шёпотом-то говоришь? – рассмеялся он.

Розалия Павловна покачала головой, потом, прижав палец к губам, будто бы призывая его к тишине, приложила этот же палец к губам сына.

«Как была мелодраматической актрисой, так и осталась», – с некоторой долей презрения подумал сын, но вслух заверил:

– Конечно, я попрошу у него денег, мамуля. Ты не расстраивайся так.

– Как же мне не расстраиваться, – залилась слезами Розалия, – ты мой единственный сыночек, моя кровиночка, свет моих очей!

«Опять завела волынку», – подумал сын, открыл сумочку матери, достал оттуда крохотный кружевной платочек и сунул матери в руки, с мыслями о том, что

вместо того, чтобы сейчас реветь, лучше бы сумела тогда удержать отца в семье. Розалия послушно взяла платок из рук сына и промокнула наполненные слезами глаза.

На этом они и расстались. О, если бы Розалия Павловна только догадывалась, с какими помыслами сын отправляется в гости к отцу. Но Твердохлёбовой и в страшном сне не могло привидеться, что её сын способен лелеять подобные мысли и тем более осуществить их. Сама Розалия на мужа зла не держала. Хотя в то время, когда он бросил её, больную, ради непутёвой женщины, ей было очень больно. Но она смогла перебороть себя и простить мужа.

К тому же, неохотно признавалась она сама себе, Никифор, скорее всего, был прав, что она не справилась с воспитанием сына и всячески препятствовала его вмешательству в воспитательный процесс. Может, если бы она позволила мужу воспитывать Эдуарда так, как он считал нужным, сын сейчас не попал бы в беду. Розалия горестно вздохнула и снова прижала свой кружевной платочек, нежно пахнущий французскими духами, к своим глазам.

Олег Георгиевич Кушнарёв, как это ни странно, искренне любил своего дядю просто за то, что он у него есть. Ему ничего не надо было от Никифора Лаврентьевича, кроме дядиного присутствия в его жизни.

Своих родителей он помнил плохо и считал, что дядя заменил ему и мать, и отца. Ведь именно в семье Никифора Твердохлёбова он прожил несколько лет, оставшись без родителей. Дядя был для него олицетворением мужества и умения достигать поставленных в жизни целей. Денег он у дяди никогда не просил, довольствуясь его вниманием, которое Твердохлёбов щедро оказывал племяннику, как только у него выпадало свободное время. Именно с племянником он ходил на летнюю и зимнюю рыбалку, ездил в горы кататься на лыжах и сплавлялся летом по строптивым речным перекатам. Родной сын его предпочитал абсолютно другие забавы, говоря с усмешкой, что он не экстремал.

Олег чувствовал, что Никифор Лаврентьевич был бы счастлив, если бы сын его хоть раз изъявил желание составить им компанию. Принуждать же Эдуарда он не хотел, объясняя это тем, что Эдуард и сам удовольствия не получит, и им своим нытьём весь отдых испортит. Олег же подозревал, что дядя не настаивал на поездке с ними Эдуарда из-за жены. Розалия Павловна всегда грудью

кидалась на защиту любимого сыночка, хотя, с точки зрения Олега, Эдуард нуждался не в защите, а в хорошей взбучке. Но в дела дяди племянник никогда не лез. Розалия же Павловна всё равно недовольно косилась на него. Олег не понимал, чем он ей не угодил. Вторая жена дяди и Анфису не любила, сводную сестру Эдуарда. Олегу Анфиса приходилась двоюродной сестрой, и они прекрасно ладили. Подружился Олег и с мужем Анфисы Тихоном, считая его отличным парнем. Племянников своих, детей Тихона и Анфисы, он обожал и был рад, что дед тоже в них души не чает.

Кушнарёв не догадывался, что Розалию Павловну беспокоит вовсе не наличие у мужа дочери от первого брака и племянника, а то, что они могут оказаться претендентами на наследство мужа. Анфиса-то уж точно. Но Твердохлёбов так явно любил племянника, что, скорее всего, и ему завещает часть денег и имущества, а всё это значит только одно – доля Эдуарда существенно сократится. Так что Анфису и Олега любить Розалии Павловне было не за что. А тут ещё и Снежана как снег на голову.

Олег же на дядино наследство не рассчитывал, он надеялся только на его дальнейшее участие в своей судьбе. «Дядя крепкий, – думал он, – проживёт долго и понянчит ещё и внучатых племянников».

Получив приглашение от дяди провести новогодние праздники в его загородном доме, Олег сразу решил, что поедет в этот раз не один, а со своей девушкой, вернее, даже невестой. Пришла пора познакомить дядю, своего самого близкого человека, как был уверен Олег, с Лизой. Он очень надеялся услышать дядино одобрение. Да иначе и быть не может, по представлению Олега, его Лиза – сама чистота и обаяние – просто не могла не вызывать симпатии и восхищения.

Елизавета Дмитриевна Журавко – невеста Олега Кушнарёва, в эти предновогодние дни была бесконечно счастлива! Наверное, так беззаботно бывает счастлива лёгкая пушистая снежинка, опускаясь на чьи-то ресницы. Ведь она ещё не подозревает о том, что может растаять и из кружевной белой звёздочки превратиться в мутную слезинку… Лиза была уверена, что наконец-то встретила человека, который полюбил её по-настоящему. Она доверяла Олегу безоглядно и верила, что всё у них серьёзно.

Танюшка, её самая близкая подружка, говорила ей: «Ой, Лизка! Я завидую тебе! Такой парень! Ты будешь жить за ним как за каменной стеной. К тому же ты своё счастье заслужила».

Сама Лиза тоже так думала. Счастье она своё и заслужила, и выстрадала. Ей должно было однажды повезти. Она так верила в это! И чудо произошло – она встретила Олега, своё солнышко, свою судьбу.

Глава 4

Игнат Варфоломеевич Калитовский знал Никифора Лаврентьевича Твердохлёбова не один и не два года, и даже не десяток лет, вместе съели они не один пуд соли. Получив приглашение от друга отпраздновать Новый год в его доме, Калитовский нисколько этому не удивился. Скорее воспринял как должное. Они прослужили бок о бок двадцать пять лет в одной части. Даже с места на место их перекидывали всегда вместе. И они сразу же подружились. Дружили сначала семьями. И по карьерной лестнице они шли в ногу. Вот только в личной жизни Калитовскому повезло больше. Женился он на своей Аделаидочке сразу после окончания училища, будучи старшим лейтенантом, и с той поры его Идочка не расставалась с ним никогда. О такой жене, как Аделаида Сергеевна Калитовская, можно было только мечтать. И ему улыбнулась удача. А вот Никифору Лаврентьевичу с первой супругой не повезло. Не выдержала она тягот жизни офицерской жены и сбежала, не прожив с мужем и трёх лет. И дочку с собой увезла. Вот незадача! Сколько из-за этого пережил Никифор. Потом нашёл себе новую жену. Молодая, красивая, сына родила. Жить бы да жить, но ан нет, на этот раз сам Никифор загулял.

Калитовский увлечения друга не одобрял и даже пытался его образумить, но куда там, ежели шлея уже под хвост попала. Прозрел Никифор, только когда узнал, что пассия его ему изменяет. И нет бы к жене вернуться, прощения попросить, не таков Никифор. Отрезал так отрезал, стал жить один. Супруги Калитовские жалели Твердохлёбова и старались чаще приглашать в свой дом.

Казалось бы, эту дружбу ничем нельзя было разрушить. Тем более что и по характеру они как нельзя лучше подходили друг другу. Твердохлёбов всегда и во всём рвался быть первым. А Калитовский никогда не пытался соперничать с

ним и довольствовался вторым местом. И это его устраивало. По мнению Игната Варфоломеевича, вагончиком быть безопаснее, чем идущим впереди и тянущим за собой состав паровозом.

Безоблачность их многолетних отношений омрачилась всего лишь один раз, когда друг увёл невесту у его сына. Но и тогда Игнат Варфоломеевич однозначно решил, что не стоит терять друга из-за какой-то легкомысленной девицы. И сыну сказал – найдёшь другую.

Может быть, Калитовский и обиделся бы на друга, если бы невеста сына нравилась им с женой. Но Снежана сразу пришлась им не по вкусу, и терпели они её только оттого, что боялись огорчить Виталия. А тут, можно сказать, подфартило – пришёл Никифор и увёл вертихвостку. Выглядело это в глазах Калитовских чуть ли не благодеянием: «Никифор снял ярмо с шеи сына и надел его на свою. А у Твердохлёбова шея покрепче», – думал с лёгкой иронией Игнат Варфоломеевич. Правда, жена его Аделаида Сергеевна Калитовская с ним не согласилась и заявила мужу, что его старинный друг поступил как непорядочный человек.

Игнат Варфоломеевич от жены отмахивался. А когда она сказала:

– А если бы он у тебя жену увёл, ты и это проглотил бы?

– Тебя, что ли? – развеселился Калитовский.

– Да хоть бы и меня?! – подбоченилась жена.

– Тебя я никому не отдам, – заверил муж.

– И чего бы ты сделал? – спросила Аделаида Сергеевна.

– На дуэль бы вызвал, – брякнул Игнат Варфоломеевич.

– Куда уж тебе, – замахала на мужа руками Калитовская, – ты же его всю жизнь чуть ли не боготворил.

– Так ради тебя я бы и с другом сцепился. А так, сама подумай, если бы не Никифор, то Снежана, к бабке не ходи, испортила бы жизнь нашему сыну.

В душе Калитовская была согласна с мужем, но, видя, как мается сын, затаила обиду на мужниного друга и на неверную невесту сына. Бессонными ночами она порой рисовала в воображении, как отомстила бы им обоим, представься ей такая возможность. И тем не менее поехать с мужем на Новый год к Твердохлёбовым она согласилась. Два предыдущих года они встречали праздник в другом месте. В первый год не поехали, так как мужу как раз на новогодние праздники дали путёвку в санаторий в Кисловодск. Аделаиде Сергеевне Калитовские купили путёвку за свой счёт, и супруги поехали поправлять здоровье вместе. А на прошлый Новый год их пригласила в гости институтская подруга Аделаиды Сергеевны, и они с удовольствием поехали в Ригу. Хоть и не сезон, но красивый старинный город, похожий на сказку, хорош в любое время года. Так что Калитовские и отдохнули, и набрались ярких впечатлений. Заодно вспомнили и то далёкое время, когда Рига была частью их общей родины и они ездили отдыхать туда летом всей семьёй. Прекрасное было время! Может быть, потому, что Аделаида и Игнат были тогда совсем молодыми и им казалось, что впереди их ждёт всё только самое лучшее.

Виталий Игнатьевич Калитовский хоть и был во многом сыном своих родителей, но всё-таки в силу изменившегося жизненного уклада и собственной молодости смотрел на мир глазами своего поколения. Он был человеком образованным и целеустремлённым и гордился тем, что не принадлежит к так называемой «золотой молодёжи». В его близлежащие планы не входила женитьба. Но не зря народная мудрость говорит, что «человек предполагает, а бог располагает». И вот он встретил Снежану. Она просто очаровала его! А потом он потерял её… Особенно болезненно Виталий воспринял то, что отец не порвал с Твердохлёбовым. Он заявил сыну, что их дружбе уже почти сорок лет.

Долго ли тосковал Виталий о Снежане? Ему казалось, что она растаяла, оставив на его губах привкус их первого поцелуя и послевкусие снеговой воды.

Спустя какое-то время Виталий уже понял, что Снежана девушка не его мечты. Он признался самому себе, хоть это и было нелегко, что не стал бы знакомиться с ней, если бы не встретил её, можно сказать, у врат искусства, то есть возле входа в художественный музей. Ведь тогда он не сомневался, что в музеи ходят только интеллектуальные девушки и женщины, неудержимо тянущиеся к прекрасному. По-видимому, он ошибался… И самым лучшим выходом из

возникшего тупика было признать свою ошибку, заблуждение, так похожее на наваждение. У Виталия хватило мужества и ума, чтобы покинуть угол, в котором он оказался, выйти на новую дорогу и начать по ней двигаться вперёд. Родители же представления не имели, что сейчас на уме у их сына.

Виталий вернулся домой неожиданно, когда супруги уже готовы были к выезду, они ждали его только к Рождеству.

– Как же так, сынок? – удивлённо всплеснула руками Аделаида Сергеевна. – Ты же сказал, что раньше вечера шестого не вернёшься.

– Так получилось, мама, – ответил Виталий, – управились с делами раньше, не торчать же мне в гостинице одному на Новый год. Всё лучше встретить праздник в семейном кругу.

– Что верно, то верно, – растерялась мать. – Но, видишь ли…

– Нас Твердохлёбов на праздник к себе пригласил, – влез в разговор отец, – и мы уже дали своё согласие. Теперь как раз собираемся выходить.

– Ну и отлично, – бесстрастно произнёс сын, – я поеду с вами.

– Но как же, сынок? – снова всплеснула руками Аделаида Сергеевна, на этот раз совсем уж растерянно.

– Пусть едет, раз хочет, – отрезал отец.

На этом и порешили. В душе Игната Варфоломеевича затеплилась надежда, что сын его Виталик увидит, как несладко Никифору живётся с его бывшей невестой, и хотя бы мысленно отвесит ему поклон благодарности за то, что старший товарищ спас его от напасти ценой собственного неблагополучия. Откровенно говоря, Игнат Варфоломеевич и сам сомневался в том, что его надежде суждено сбыться, но, по крайней мере, сын, получив наглядный урок, образумится и перестанет дуться на Никифора и на собственного отца.

Аделаида Сергеевна же считала, что ничего хорошего из этой поездки не выйдет. Её сердце сжималось от самых мрачных предчувствий. Она не верила в

то, что сын простит друга отца, даже убедившись в том, что живут они как кошка с собакой. Ведь дело не в том, что сама судьба расквиталась с Никифором за обиду, нанесённую Виталию, а в уязвлённой гордости сына. Сердце материнское – вещун, и Калитовская видела, что сын разлюбил предавшую его невесту. Но вот простил ли? Этого она не знала.

Лукерья Самсоновна Твердохлёбова – старая тётка Никифора Лаврентьевича – уже пятнадцатый год жила с семьёй племянника. Приживалкой она себя не чувствовала. Наоборот, скорее домоправительницей. На ней лежали почти все хозяйственные дела – закупка продовольствия, составление меню трапез, присмотр за наёмной прислугой и многие другие домашние дела. Несмотря на свой преклонный возраст, Лукерья Самсоновна со всем этим прекрасно справлялась. И Твердохлёбов частенько говорил ей:

– Без тебя, тётушка, я был бы как без рук.

– Не преувеличивай, Никифорушка, – отвечала она, обволакивая племянника ласковым взглядом старческих глаз.

– Тётя Луша, разве же это преувеличение? – смеялся он, шутливо приобнимая старую тётку за давно расплывшуюся талию. – Будь моя воля, я бы тебе орден выдал.

– Какой такой орден?

– За заслуги перед семейством Твердохлёбовых, – полушутя, полусерьёзно отвечал Никифор Лаврентьевич.

Лукерья Самсоновна отпихивала племянника и заливалась счастливым смехом. И смеялась она, несмотря на возраст, совсем как молодая девушка. Лукерья Самсоновна ни разу за всю свою жизнь не была замужем, и только поселившись с племянником обрела, как она считала, семью. Никифора она любила безоглядно. В его дела не вмешивалась. И была твёрдо уверена, что её Никифорушка всегда и во всём прав. Бог наделил его и умом, и смекалкой, не зря же он дослужился до полковника, а после и дело своё организовал. Она глядела на осанистого, уверенного в себе Никифора Лаврентьевича и с гордостью думала: «Ни дать ни взять купец первой гильдии! Ох, ежели бы родился он в старое доброе время, каких бы дел наворотил». В этом её мысли

были в чём-то схожи с мыслями самого Твердохлёбова о зяте Тихоне.

Внучатых племянников Лукерья Самсоновна тоже любила. Особенно Анфису. И муж её Тихон ей нравился. Она инстинктивно чувствовала, что между племянником и мужем внучки отношения напряжённые, но причину их напряжения не понимала. Порой она недоумевала про себя – и чем это Тишенька не угодил Никифорушке? Ответа она не находила. Некоторое время мучилась от смятения, поселившегося в её душе. Но потом забывала об этом до следующего раза.

Глядя на Олега, Лукерья Самсоновна радовалась: ничего не скажешь, удался парень на славу. Жаль только, матушка его Иринушка, племянница её ненаглядная, не дожила, а то бы тоже порадовалась вместе с ней за сыночка. При этих мыслях Лукерья Самсоновна перекрестилась, глядя на маленькую икону, стоявшую на столе в её комнате. Икону ей эту подарил Никифор, и была она написана неизвестным иконописцем аж в XV веке. Так сказал племянник, а слову его старая тётка верила безоговорочно.

И лишь одна печаль у них была с Никифором на двоих – сын его Эдик. Снежану старая тётка почему-то в расчёт не брала, считала чужой и была уверена, что этот ломоть скоро от их семьи отвалится сам собой.

Но Эдуард – это совсем другое дело. Он был единственным сыном Никифора, ему полагалось быть продолжателем рода Твердохлёбовых. А на деле толку от него никакого не было. После каждой встречи с сыном у Никифора новые седые волосы появлялись. «Вот уж наградил бог сыночком», – сердито думала Лукерья Самсоновна. Легкомыслия Эдуарда она не одобряла, но считала, что во всех бедах внучатого племянника виновата его мать Розалия, которая упустила мальчишку. Никифора она ни в чём не винила. Он лямку тянул! Родине служил и материально обеспечивал никчёмную актрисульку и её оказавшийся таким же никчёмным приплод. «Не везёт Никифору с женщинами», – сокрушалась старая тётка и старалась во всём угодить племяннику.

Максим Гурьевич Гаранин, сосед Твердохлёбовых по посёлку, спал в предновогоднюю ночь плохо. Один раз он даже встал, оделся, крикнул собаку и вышел с ней погулять в сосновом бору, что раскинулся совсем рядом с их посёлком. Ветер шумел в вершинах сосен и навевал думы такие же тёмные, как

ночь в сосновом бору. Хотя сквозь просветы в вершинах сосен льётся вниз, точно вода из серебряного кувшина, лунный свет, и под ногами вон снег белый светится. Только вот на душе у Максима Гурьевича просветов что-то не виделось. Но винить в этом некого, сам виноват. Зачем влез, как петух в чужой курятник? Зачем положил глаз на жену соседа? Да ведь и не только глаз.

Гаранин злился и на себя самого, и на Снежану, что она отдала ребёнка родителям. Ему она сказала, что на время. Но и на время зачем, зачем пацану жить неведомо где и неведомо как. Вдруг это и на самом деле его сын. Снежана плакала, прижималась к нему и испуганно шептала, что муж требует экспертизу по установлению отцовства. Ну, так что с того! Пусть проводит! Лучше уж точно знать, чем метаться в неведении.

«Мало было незамужних девок, – принимался в который раз грызть себя Гаранин, – так угораздило же влюбиться в Снежану! Да так влюбиться, что готов был ночью прокрасться в дом соседа и умыкнуть её на край света!». А она его не отталкивает, обовьёт своими руками гибкими, вопьётся губами жадными и шепчет в коротких перерывах между поцелуями, что любит только его. А сама от мужа уходить не хочет! Говорит, что если ребёнок на самом деле от Никифора Лаврентьевича, а она уйдёт от него, то ребёнок право на наследство потеряет. Гаранин клятвенно заверял её, что усыновит мальчика, даже если он не его сын, и ни в чём он нуждаться не будет. Так нет, заладила одно и то же, зачем ему от отцовского добра отказываться. К тому же Снежана была уверена, что всё, что достанется Эдуарду, тот сразу и промотает. Но ему, Гаранину, какое до этого дело?! Однако переубедить мать, защищающую интересы своего детёныша, на его памяти ещё никому не удавалось. Так что Максим Гурьевич двумя руками был за проведение экспертизы. Выходило, что Гаранин желал внести ясность в этот вопрос не меньше Твердохлёбова. И только расчётливая Снежана хотела, чтобы всё оставалось как есть. Но Гаранин, возвращаясь из леса домой, принял твёрдое решение, что не позволит ей сидеть на двух стульях. Стул соперника он из-под неё выдернет, чего бы это ему ни стоило.

Глава 5

В дом Твердохлёбова гости начали съезжаться ещё засветло. Добротный загородный дом, опушённый снегом, в заснеженном же саду выглядел чуть ли

не дворцом сказочного барона. Начинавшийся сразу за ним сосновый бор только усиливал это впечатление.

Как и хотел хозяин дома, собрались в этот вечер все, кого он считал самыми близкими и родными себе людьми. Не огорчил его даже приезд как бы не званного на встречу Нового года Виталия Калитовского. Хотя справедливости ради надо сказать, что Твердохлёбов в приглашении не перечислил семью друга по именам. Просто написал – приезжайте 31 декабря ближе к вечеру. Очень жду! Ваш Никифор. Так что и Виталий как член семьи Калитовских имел полное право считать себя приглашённым.

Снежана, увидев Виталия, вспыхнула, как дева, вылепленная из снега, на лик которой упали неяркие отсветы вечерней зари, и, опустив глаза, пробормотала что-то неясное. Что Виталию, вероятно, следовало принять за приветствие, посланное хозяйкой дома гостю. Он сделал вид, что так это и расценил, и сдержанно улыбнулся в ответ.

Впрочем, сама Снежана не обратила на улыбку бывшего жениха никакого внимания. Её мысли были заняты совсем другим. Она даже не замечала, что её собственный муж следит за каждым её шагом. Тем временем сам Никифор Лаврентьевич, приняв твёрдое решение расставить все точки над «i» и пусть не в конце уходящего года, но в начале грядущего обязательно обрести наконец утерянное из-за семейных передряг спокойствие. Да и сама природа решила сделать хозяину дома и его гостям праздничный подарок. Весь декабрь стояла промозглая погода, лил дождь. А тут просто как по заказу мягкий, красивый, пушистый снег. Лёгкий морозец. Звёздное небо. Классическая новогодняя ночь.

Но ещё до её наступления во дворе зажгли яркие фонари и гирлянды, которые освещали не только площадку перед домом, но и сад с его расчищенными дорожками. Гости, кто в одиночку, кто разбившись на пары, прогуливались, вдыхая чистый воздух, от которого кружилась голова и сладко замирало сердце.

– Будто яблок с сахарной пудрой наелся! – воскликнул Калитовский-старший и неожиданно чмокнул жену в щёку.

– Ты чего, Игнат, люди же вокруг, – проговорила она, зардевшись, то ли от мороза, то ли от удовольствия.

– Так я же не чужую, а свою жену целую, – ответил он в оправдание и рассмеялся раскатисто, как в молодости.

– Он ещё и ржёт, как жеребец, – проговорила Аделаида Сергеевна и, не удержавшись, засмеялась сама, а потом добавила тихо: – Игнат, как хорошо-то сегодня здесь.

– Вот, – довольно крякнул он, – а ты ещё ехать не хотела.

– Я не то чтобы не хотела, я просто сомневалась.

– А разве это не одно и то же? – спросил муж.

– Нет, конечно!

– Ох уж эта женская логика, – покачал головой Калитовский-старший и снова громко рассмеялся.

– А по мне, так ваша мужская логика топорная, – сделала вид, что обиделась, супруга, – всё у вас ать-два да ать-два.

– На то мы и солдаты, – снова засмеялся муж.

Сын их Виталий тем временем покачивался на старых садовых качелях и, казалось, о чём-то сосредоточенно думал. Тихон Поздняков затеял с детьми весёлую игру в снежки, а потом они втроём принялись лепить огромного снеговика. После того как отец с детьми скатали первый огромный шар и принялись за второй, Виталий Калитовский спрыгнул с качелей и присоединился к ним.

– Дядя Виталя, – обратился к нему сын Анфисы и Тихона, – папа обещал, что мы завтра крепость строить будем, хочешь с нами?

– А почему бы и нет, – подмигнул ему Виталий.

– Ура! – закричал мальчишка. – Нашего полку прибыло!

– А мама не хочет строить, – пожаловалась Виталию его сестрёнка.

– Так не женское это дело – крепости возводить, – ответил Калитовский-младший.

– А я кто, по-вашему? – сверкнула на него голубыми глазами внучка полковника.

– Ты ещё девочка, – попытался вывернуться Виталий.

– Всё равно будущая женщина, – упрямо топнула ножкой в красном сапожке юная строительница крепостей.

– Ладно, твоя взяла, – рассмеялся Виталий, – будем считать, что я это не подумав ляпнул.

Тихон ухмыльнулся и одобрительно кивнул, девочка примирительно хлопнула рукой в красной варежке по ладони Виталия, протянувшего ей для примирения руку. Брат её за спиной сестрички показал Виталию большой палец: мол, молодец!

Анфиса тем временем, одевшись потеплее, сидела на расстеленном на скамейке возле дома одеяле и пыталась запомнить порядок вязания сложного, но умопомрачительно красивого узора для свитера, которому её учила Лукерья Самсоновна.

– Вы бы в дом шли, какое тут на морозе при свете фонарей вязание. У вас руки к спицам примёрзнут, – уговаривал их Твердохлёбов-старший.

– Так не холодно же, папа, – отмахивалась дочь, – и потом, мы в перчатках.

– Да и со всеми вместе нам веселее, – добродушно замечала старая тётка.

– Ну, мёрзните, коль вам нравится, – ухмылялся Никифор Лаврентьевич, с любовью глядя на своих девочек.

Олег Кушнарёв сразу по приезде представил дяде свою невесту. Так и сказал:

– Дядя Никифор, это Лиза! Моя невеста! Прошу любить и жаловать.

– Что ж, за нами не заржавеет, – ласково улыбнулся Твердохлёбов, – и любить будем, и жаловать. Проходите, Лиза, и чувствуйте себя как дома.

Потом Олег познакомил девушку со всеми остальными членами семьи. И все отнеслись к Елизавете дружелюбно, кроме разве двоих. Снежана одарила девушку холодным взглядом, от которого любая «незамерзайка» замёрзнет, а Эдуард глянул так, словно хотел взглядом сорвать с бедняжки не только одежду, но и кожу. Хотя чего можно ещё ожидать от ловеласа и мота Твердохлёбова-младшего. Но бедная Лиза, поёжившись от взгляда Снежаны, от Эдуарда просто отшатнулась.

– Не обращай внимания, – ласково прошептал ей на ухо Олег, – просто они такие.

– Какие? – спросила Лиза испуганно.

– Ущербные, – ответил, не задумываясь, Кушнарёв.

– А-а, – протянула Лиза и, кажется, успокоилась.

Оказавшись на улице, парочка сразу же устремилась по одной из садовых тропинок в самую глубину сада и там, укрывшись за кустами сирени, превращёнными в сказочные заросли Снежной королевы, предалась обычному для влюблённых занятию – перешёптыванию и поцелуям.

Эдуард, приехавший на этот раз в гости к отцу без девичьего сопровождения, решил не оставаться на приусадебном участке, взял лыжи и отправился на них в бор.

– Смотри не распугай там всех белок, – шутливо крикнул ему вслед отец, – а то некому нас потом отрезвлять будет.

– Не боись, – буркнул, не оборачиваясь, сын, – придут к тебе все твои белки.

– И чего он там собирается во тьме один в бору блуждать, – ни к кому не обращаясь, проговорила Лукерья Самсоновна.

Расслышав в голосе старушки тревогу, Анфиса ласково погладила её по руке:

– Да что вы, баба Луша, какая же там тьма? Луна нынче яркая. Это здесь из-за фонарей да гирлянд её света не видно, а в бору она каждую хвоинку высветит.

– Всё-таки это не дело, что Эдик в лес один пошёл, – никак не желала успокаиваться старая тётка.

– Может, у него свиданье там с кем-нибудь, – неуверенно предположила Анфиса.

– Да с кем ночью-то свиданье у него в бору может быть?! Разве только с лешим!

– А леший чем не компания в новогоднюю ночь, – тихо рассмеялась Анфиса.

– Эх, молодёжь, всё вам хихоньки да хахоньки, – укоризненно проговорила Лукерья Самсоновна.

– Баба Луша, да ладно вам! Эдик ведь уже давно не ребёнок и знает сам, что ему делать.

– А вот насчёт знания твоего братца я очень даже сомневаюсь! Кабы он знал, что делает, то не мотал бы нервы отцу, ирод!

– Баба Луша, вы имеете в виду, что Эдик постоянно у отца деньги просит?

– Ну!

– Так папа давно перестал ему их давать. Так что он теперь только у Розалии Павловны их тянет.

– У твоей Розалии тянуть нечего. Я слышала, она сама стала хвататься за любую работу.

– От кого это вы могли об этом слышать? – удивилась Анфиса.

– Моя старая приятельница тут у дочки своей живёт. А дочка её в гостинице работает. Так она пошла к дочке-то на работу и увидела там Розалию! – заговорщицки подмаргивая, проговорила Лукерья Самсоновна.

– Может, Розалия Павловна в гостинице той номер сняла, – неуверенно предположила Анфиса.

– Как же! Сняла она! На какие шиши?! Небось горничной подрабатывает, постели постояльцам перестилает.

– Ну, не знаю, – усомнилась Анфиса.

– Зато я знаю! – уверенно заявила Лукерья Самсоновна.

– Баба Луша! Бог с ней, с Розалией Павловной. Пусть они как хотят сами с Эдуардом решают свои денежные вопросы, – примирительно проговорила Анфиса.

– Твоими устами, девочка моя, да мёд бы пить. Только эти паразиты привыкли все свои проблемы на отца твоего перекладывать!

– Но ведь Эдик не чужой папе, – неуверенно ответила Анфиса.

– Ты вот тоже не чужая, – сказала Лукерья Самсоновна, – но разве же ты тянешь из отца деньги?

– Папа внукам подарки хорошие делает.

– Так то внукам!

– Но, баба Луша! Я же замужем! У меня есть Тихон! Он и решает материальные проблемы нашей семьи.

– Эдуарду тоже никто не мешает жениться, – проворчала старая тётка.

– Баба Луша, какая вы смешная, – хихикнула Анфиса, – разве же жена станет решать материальные проблемы Эдуарда?

– Эх, Анфиса, Анфиса, смех с тобой и грех, – отмахнулась от внучатой племянницы старая женщина.

На том и закончился их спор и вообще разговор об Эдуарде. И только Снежана не высовывала носа из дома. Потом все замёрзли и толпой повалили на кухню пить чай с баранками из самого настоящего ведёрного русского самовара, с которым на отлично справлялась кухарка Твердохлёбова Ольга Александровна, бывший завхоз местной школы.

После чая все разбрелись по дому, и каждый коротал время, оставшееся до наступления Нового года, на свой вкус. Калитовская читала, муж её с хозяином дома играл в шахматы, Виталий Калитовский вместе со всей семейкой Поздняковых смотрел в домашнем кинотеатре отца старые советские сказки. Дети визжали от восторга.

И Виталий, глядя на них, невольно думал, что, несмотря на все гаджеты и виртуальные игры, простая детская сказка, снятая без всякого 3D, всё-таки пробуждает в ребёнке гораздо больше светлых чувств и ненавязчиво прикасается к душевным струнам, отвечающим за любовь, доброту и необходимое всем и всегда простое человеческое внимание и тепло. «Хорошо, что я сегодня приехал сюда, – мелькало в его мозгу, – так вот сидел бы здесь целую вечность».

Анфиса вместе с Лукерьей Самсоновной в комнате последней перебирали мотки с шерстью, прикидывая, из какой из них и что связать отцу, из какой мужу и из какой – детям Анфисы.

Когда они пришли к единому мнению, Лукерья Самсоновна даже запела от радости:

– Уморилась я, уморилася.

И так это у неё уморительно получилось, что Анфиса рассмеялась от всей души.

– Чего-то мы с тобой тут завозились, – сказала вдруг старушка, – время-то сколько?

Анфиса оглянулась на висевшие на стене старые часы с гирьками – одиннадцатый час.

– Вот! Они уж, наверное, без нас за стол сели, – всплеснула руками старушка.

– Без нас, баба Луша, не сядут, – улыбнулась Анфиса.

В это время приоткрылась дверь комнаты, Никифор Лаврентьевич Твердохлёбов просунул голову и проговорил:

– Вы чего, девчонки, запаздываете?

– Идём мы, папа!

– Идём, идём, Никифорушка!

Глава 6

Вскоре все: хозяин дома, его третья жена Снежана, дочь Анфиса от первого брака с мужем Тихоном, Эдуард – сын от второго брака, племянник Олег со своей невестой Елизаветой, старая тётка Лукерья Самсоновна, старый друг Игнат Варфоломеевич с женой Аделаидой Сергеевной и сыном Виталием сидели за накрытым праздничным столом. Детей к этому времени уже уложили спать, заверив, что завтра они обнаружат под ёлкой все заказанные Деду Морозу, считай деду Никифору и родителям, подарки.

Стол ломился от яств и напитков. Прислуга, согласившаяся остаться на ночь в доме за хорошую дополнительную плату, время от времени уносила часть недоеденных блюд и приносила новые. Проводили Старый год, встретили Новый. И у гостей, и у хозяев заблестели глаза, разрумянились щёки. Эдуард несколько раз рвался на улицу запускать фейерверки, но то сестра, то отец, то зять его останавливали – нельзя! Детей разбудишь!

– Не фиг было их в такую рань спать укладывать, – огрызался Эдуард, но всё-таки оставался сидеть на месте.

После часу ночи ушла спать Лукерья Самсоновна, а во втором часу отпустили прислугу, которая валилась с ног. Закусок на столе ещё оставалось полным-полно, а убрать со стола и прибраться в гостиной и на кухне и завтра успеется.

Потом устроили было танцы, но танцевали только Анфиса с Тихоном да Олег с Елизаветой. И немного покружились в медленном танце Игнат Варфоломеевич с супругой своей Аделаидой Сергеевной. Снежана танцевать категорически отказалась, хоть её приглашали и муж, и пасынок.

Анфиса предложила отцу потанцевать с ним, но он махнул рукой – у тебя, дочура, и без меня есть с кем танцевать, а потом рассмеялся:

– Жалко, что мы тётю Лушу так рано отпустили, вот она бы могла тряхнуть стариной.

– Ага, – хмыкнул Эдуард, – из бабы Луши та ещё партнёрша по танцам.

– Много ты понимаешь в женщинах, – не остался в долгу Твердохлёбов-старший, – видел бы ты, какой она в молодости была. От женихов отбоя не было.

– Как же, не было, – снова сыронизировал Эдик, – что же она при таком избытке мужского внимания старой девой-то осталась?

– Глупый ты, сынок, – вздохнул Никифор Лаврентьевич, – жених у неё погиб. Молоденький совсем был. Они с ним всё ходили рядышком, а как думали, что никто их не видит, за ручки держались.

– За ручки, – хмыкнул Эдуард.

– Да! За ручки! – повысил голос Никифор Лаврентьевич. – В то время не принято было сразу под юбку лезть!

– Папа, папа, – поспешила вмешаться Анфиса, – давайте выйдем на улицу, свежим воздухом подышим, в снежки поиграем.

– И вправду, засиделись мы за столом, – поддержала её Аделаида Калитовская.

Все засуетились, загрохотали отодвигаемыми стульями.

– Тю! – воскликнул Твердохлёбов-старший. – Я же в подвале бутылку французского вина приготовил. Вы идите, погуляйте, а я спущусь, достану, потом выпьем.

– Давай, отец, лучше я схожу, а то ты что-то не твёрдо на ногах держишься, – усмехнулся Эдуард.

– Ты не найдёшь, – возразил Твердохлёбов-старший.

– Ещё как найду, – заверил его сын и первым направился к выходу.

Вскоре гостиная опустела. Только толстый хозяйский кот лениво запрыгнул на стол, столкнул на пол кусок ветчины, спрыгнул и стал неторопливо есть.

В гостиной снова все собрались спустя часа полтора и снова стали рассаживаться за стол. Аделаида Сергеевна с Анфисой сходили на кухню, заварили свежий чай, достали из холодильника пирожные, принесли всё это в гостиную, разложили пирожные, разлили чай.

И тут Анфиса спросила:

– Эдик, а где же папа?

– А я почём знаю? – ответил тот.

– А где же бутылка?

– Какая бутылка?

– За которой ты спускался в подвал.

– Так я за ней и не спускался.

– Как так?! – воскликнула Анфиса.

– У меня зазвонил телефон, а у отца не хватило терпения подождать пару минут, и он сам в подвал отправился, – ответил Эдуард.

– А ты?

– Что я? – пожал плечами Эдуард. – Переговорил по телефону и вышел на улицу.

– Но я тебя не видела.

– Зато я тебя видел, – огрызнулся Эдуард, – ты как умалишённая на Тихона прыгала, и вы оба в снегу валялись.

– Постойте, постойте, – замахал на них Игнат Калитовский, – прекратите препираться! Где же тогда Никифор? Кто его видел?

Все молчали, растерянно переглядываясь.

– Так он и видел! – кивнула Анфиса в сторону брата и испуганно зажала себе ладонью рот.

– Тихо, тихо, – снова заговорил Калитовский-старший, – только без истерики! Нужно спуститься в подвал.

– Вам надо, вы и спускайтесь! – огрызнулся Эдуард.

– Хорошо, мы с Виталием спустимся, – проговорил Игнат Варфоломеевич и, обращаясь к Снежане, спросил: – Как туда попасть?

– По лестнице, – ответила она.

– Там заперто?

– Наверное, если Никифор вышел из подвала, то он его запер.

– А ключ у тебя?

– На кухне в шкафу все ключи.

– Принеси от подвала.

– Может, там не заперто? – предположил Олег и запнулся. – Ведь если дядя…

– Да, ты прав, – кивнул Калитовский-старший и позвал сына, – идём, Виталий.

– Лучше я с вами пойду, – решительно проговорил Кушнарёв, бережно отстраняя от себя испуганно льнущую к нему Елизавету Журавко, – я этот дом как свои пять пальцев знаю, и подвал в том числе.

Вернулась Снежана и протянула Калитовскому-старшему ключ. – Вот он.

Тот взял ключ и кивнул Олегу:

– Хорошо, идём.

Все остальные гуськом потянулись за ними. Молча дошли до лестницы, ведущей в подвал. Анфиса щёлкнула выключателем, и яркий свет залил грубые каменные ступени. То ли лестница была сделана под старину, то ли камень специально состарили, чтобы придать лестнице вид древности. Никто из гостей этого не знал, да и никого не волновал этот вопрос.

Кушнарёв открыл стоящий возле лестницы шкаф, достал оттуда фонарь.

– Пригодится, – объяснил он Калитовскому, – хотя свет там, конечно, есть. Но мало ли…

Хмурый Игнат Варфоломеевич согласно кивнул.

– Дядя Игнат! Я с вами! – сказала Анфиса.

– Нет! – Калитовский-старший сделал упреждающий жест рукой. – Мы спустимся вдвоём с Олегом. Если вы понадобитесь, мы крикнем. – И видя, что Анфиса, помотав головой, сделала шаг к лестнице, произнёс, обращаясь к Позднякову: – Тихон, попридержи жену.

Поздняков молча обнял жену и прижал её к себе. Она сразу обмякла в его руках и тихо всхлипнула.

– Ну что ты, – прошептал он тихо и погладил жену по голове, – ничего же ещё не известно.

– Я боюсь.

– Я с тобой.

Все остальные напряжённо следили за спускающимися по лестнице Игнатом и Олегом, пока мужчины не скрылись из виду в гулкой глубине. И только слабый отсвет зажжённого фонарика некоторое время ещё метался на щербатых ступенях, как хвост линяющей жар-птицы. Прошли несколько минут, которые показались оставшимся вечностью.

– Что-то долго они, – вырвалось у Анфисы.

– Свет, наверное, в подвале вырубился, а с фонариком там не скоро всё разглядишь, – пробурчал Эдуард.

– Да чего там глядеть-то?! – вопрошающе воскликнула Анфиса. – Неужели не видно, там отец или нет?!

– Может, у Никифора сердце прихватило, – осторожно проговорила Калитовская, – и он сознание потерял.

– Что вы такое говорите! – возмутился Эдуард. – Наш отец здоров как бык.

Даже при таких обстоятельствах Анфиса отметила, что брат, говоря об отце, употребил слово – наш. Она не помнила, чтобы он раньше хоть раз так говорил. И сердце её защемило с новой силой. Разум её раскалывался пополам. Одна его половина советовала ей теснее прижаться к мужу и затаиться, а другая приказывала – беги, беги в подвал. И она не знала, к какой из них прислушаться, поэтому просто стояла на месте и молила судьбу только об одном, чтобы скорее наступила ясность. И вот раздались шаги поднимающихся наверх людей. Первым поднялся Олег, даже при электрическом освещении было видно, что лицо у него белое как мел, а на лбу выступили капли пота. Следом за ним, тяжело дыша, показался Калитовский.

– Что там, Олег? – вырвалось у Анфисы, и она раненой птицей метнулась навстречу двоюродному брату.

– Дядя Никифор, – прошептал тот непослушными губами и всхлипнул.

– Что? Что с папой! Говори же! – Анфиса подлетела к Кушнарёву и стала стучать по его груди своими сжатыми кулачками.

– Никифора больше нет, – проговорил Калитовский и достал сотовый.

– Как это нет? – ахнула Анфиса, тотчас отступив от двоюродного брата.

– Убили дядю! – выкрикнул Олег Кушнарёв и глухо зарыдал, не стесняясь присутствующих.

– Как это убили? Что ты несёшь? – закричал Эдуард и рванулся по направлению к лестнице, ведущей вниз.

– Куда! – поймал его и удержал на месте Тихон Поздняков.

– Пусти меня! Ты не имеешь права! – задёргался Эдуард, но выскользнуть из мощных рук зятя Никифора ему не удалось.

Калитовский, вызвав полицию и «Скорую», хотя и был уверен в бесполезности приезда последней, отключил телефон и сел прямо на лестницу. Эдуард в это время всё ещё трепыхался в медвежьих объятиях Позднякова.

– Да отпусти ты его уже, Тихон, – проговорил глухо Игнат Варфоломеевич, – пусть идёт, я закрыл подвал на ключ.

– А ключ? – вырвалось у Анфисы.

– У меня. И отдам я его только полиции.

Аделаида Сергеевна подошла к мужу и села рядом с ним на ступеньку.

Елизавета Журавко, до этого стоявшая прижавшись к стене, отмерла, подбежала к Олегу, обвила его шею руками и тихо запричитала:

– Олеженька, Олежек.

– Да замолчи уже, – прикрикнул на неё Эдуард, – без тебя тошно! Устроили тут! – Он собрался уйти. Но Калитовский-старший остановил его, веско проговорив: – Полиция просила всех оставаться на своих местах.

– И как долго их ждать? – спросил Эдуард.

– Сколько нужно, столько и будем ждать, – ответил Игнат Варфоломеевич.

– Я думаю, что если мы выйдем на кухню, то ничего не случится, – проговорил Поздняков, – полиция, судя по всему, приедет не скоро. Вон как дороги занесло. А женщинам тяжело тут маяться на ногах. Ни в туалет сходить, ни попить.

– Папа, по-моему, он прав, – проговорил Виталий Калитовский.

– К тому же нам всем нужно подкрепиться, полиция будет мурыжить нас долго и основательно, поэтому закусим тем, что осталось в холодильнике.

– И у тебя жратва в глотку пролезет? – зарычал на него Эдуард.

– Полезет, – спокойно заверил его Тихон, – думаю, что и у тебя тоже.

Эдуард подскочил на месте как ужаленный и бросился к зятю.

– Эдик! Я прошу тебя! – бросилась ему наперерез Анфиса.

Поздняков же смотрел на шурина и едва заметно улыбался. Любому, кроме самого Эдуарда, было понятно, что Тихон способен сбить его с ног одним лёгким щелчком.

И только тут зарыдала в голос Снежана Твердохлёбова, которая сначала стояла возле шкафа, а когда услышала слова Игната Калитовского, что её мужа больше нет, сползла прямо по стенке шкафа на пол и так всё время и сидела, опустив голову на колени. Никто не кинулся её утешать. Все вели себя так, будто не видят и не слышат Снежану Твердохлёбову.

– Нужно попросить бабу Лушу приглядеть за детьми, – опомнилась Анфиса, – они вот-вот проснутся!

– Не вот-вот, но скоро, – согласился Тихон, – иди поднимись к Лукерье Самсоновне и разбуди её.

– Я боюсь, Тиша!

– Чего?

– Она заплачет, – бессвязно пролепетала Анфиса.

– Иди с ней, – попросил жену Калитовский-старший.

– Да, – кивнула она, и женщины ушли. Мужчины тем временем перебрались на кухню.

Глава 7

Тихон оказался прав, полиция и «Скорая» прибыли, только когда уже совсем рассвело.

– Думали, вообще до вас не доберёмся, – недовольно пробормотал фельдшер «Скорой», – да и ехать нам сюда уже незачем было, – добавил он ещё сердитее, осмотрев пациента. – Зачем вызывали-то?

– Так положено, – ответил Калитовский-старший.

– Не знаю, кто это положил, – продолжал возмущаться фельдшер, – только неумно это, гонять попусту в такую погоду машину и людей.

– Доктор, кончай зудеть, – дружелюбно попросил его прибывший полицейский, – нас вот тоже вызвали, и мы не возмущаемся.

– Так вас по делу вызвали, – не унимался фельдшер, – у вас работы там непочатый край.

Поздняков тем временем взял под руку молоденькую медсестричку, дышащую на озябшие руки, чтобы их согреть, и шепнул:

– Идёмте, я вас чаем напою.

– Нельзя мне, – ответила девушка, – Иван Степанович…

Но Тихон не дал ей договорить:

– И Иван Степанович чайку попьёт, – и, обратившись к Калитовскому-младшему, крикнул: – Виталь, сделай доброе дело, позови их водителя.

Калитовский кивнул и вышел из дому. Назад с водителем он вернулся минут через пять, скорее всего, – того тоже пришлось уговаривать. Все вместе они уломали и фельдшера и отпустили медработников только после того, как те напились чаю и немного поели.

Полиция всё это время уже находилась в подвале вместе с Олегом Кушнарёвым и Калитовским-старшим. Остальные пока оставались на кухне под присмотром одного из полицейских. Лукерья Самсоновна Твердохлёбова вместе с детьми Поздняковых была наверху. Все присутствующие клятвенно заверили полицию, что старушка ушла спать в то время, когда хозяин дома ещё находился на

глазах у всех в добром здравии. И больше она не спускалась. Капитан полиции не поленился, поднялся наверх, взглянул на старушку и махнул рукой.

Сердце старой тётки Твердохлёбова разорвалось от боли, когда она услышала о гибели племянника, и ей захотелось только одного – уйти следом за ним. Но вид плачущей Анфисы и слова Аделаиды Сергеевны о том, что она сейчас как никогда нужна внучатой племяннице и её детям, заставили старую женщину задержаться в этой жизни. Она послушно выпила лекарство, которое ей щедро накапала Калитовская, вытерла слёзы тыльной стороной своей морщинистой руки, прижала к себе Анфису и, покачивая её как маленькую, проговорила тихо:

– Осиротели мы с тобой, Анфисушка. Но ничего, как-нибудь. Нам с тобой ещё детушек малых на ноги ставить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/antonova_nataliya/gost-bez-priglasheniya

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити